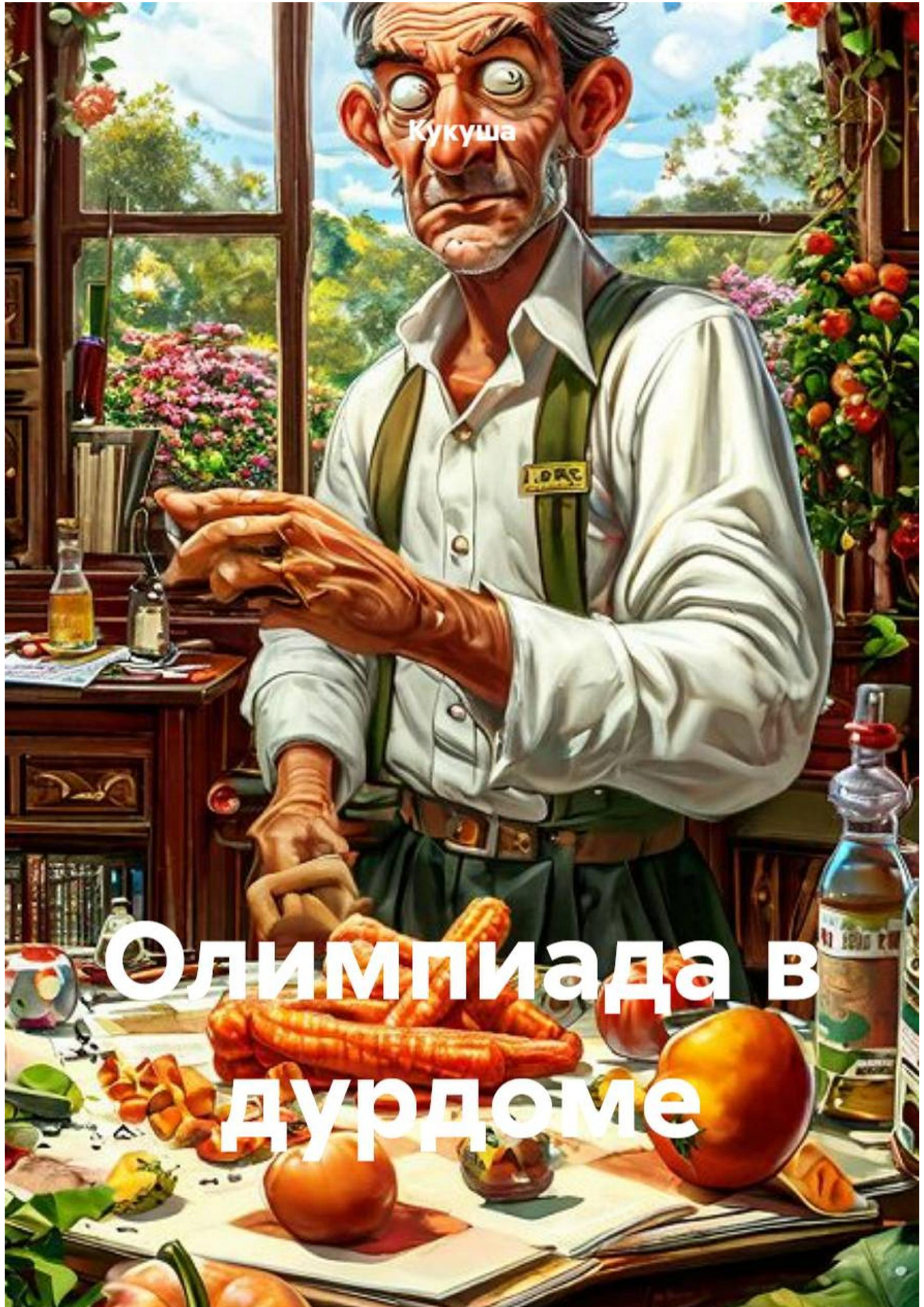

Кукуша

Олимпиада в дурдоме

Кукуша

Олимпиада в дурдоме

«Автор»

2026

Кукуша

Олимпиада в дурдоме / Кукуша — «Автор», 2026

Если украсть тетрадь с расписанием конкурсов в психушке — можно превратить её в личный Олимпийский стадион. Арнольд Поварешкин, пациент «Тихого сада» с параноидной шизофренией, не слушает голоса в голове. Он слушает график. Чистка картофеля, шашки, боулинг, хор — он готовится к каждому соревнованию с упорством гения: изучает дебюты, просчитывает соперников. Он не читерит. Он хочет стать королём этой деревни. Чтобы доказать голосам и всему миру, что он не ничтожество. Он выигрывает все конкурсы. Но когда его отправляют в соседний интернат, он видит там «соревнования» на скорость реакции, на терпение боли, с оскорбительными призами. И впервые в жизни он не хочет побеждать. Вернувшись, он запирается в молчании. А потом решает: использовать свой больной, параноидальный, гениальный дар не для короны, а чтобы защитить слабых. Трагикомическая история о том, как безумие становится сверхспособностью, а любовь — лучшим лекарством. Роман о человеке, который готовился к победе, а нашел себя.

© Кукуша, 2026

© Автор, 2026

Кукуша

Олимпиада в дурдоме

Пролог

Тетрадь в клеенчатой обложке цвета засохшей крови лежала на столе. Я смотрел на нее уже десять минут. Десять минут — это шестьсот секунд. Шестьсот секунд — это время, за которое можно прочитать две страницы, выпить стакан воды или умереть от разрыва сердца. Я не умирал. Я просто смотрел. Я смотрел на эту тетрадь и чувствовал, как внутри меня что-то меняется. Что-то ломается. Или наоборот — что-то встает на место. Я не знал, что именно. Но я знал, что эта тетрадь — моя.

Я взял ее в руки. Она была теплой. Она была живой. Она была моей. Я открыл первую страницу. Там было написано: "График мероприятий на октябрь. Культпросвет. Лариса Сергеевна". Я прочитал это три раза. Потом перечитал. Я знал эти слова. Я знал этот почерк. Я знал эту женщину. Лариса Сергеевна. Она была сотрудницей культпросвета. Она была красивой. Она была доброй. Она была моей. Она еще не знала этого. Но она узнает. Она узнает, кто я. Она узнает, что я сделаю. Она узнает, что я — король.

Я перелистнул страницу. Я увидел график. Даты. Время. Конкурсы. Чистка картофеля — 23 октября, 15:00. Шашки — 24 октября, 14:30. Рисунок — 25 октября, 10:00. Боулинг — 26 октября, 16:00. Хоровая битва — 27 октября, 11:00. Я прочитал каждую строчку. Я запомнил каждую дату. Я запомнил каждое время. Я запомнил каждое место. Это был мой путь. Моя карта. Моя стратегия.

Я закрыл тетрадь. Я положил ее под матрас. Я лег на койку. Я смотрел в потолок. Сорок три трещины. Я сосчитал их. Я пересчитал. Снова сорок три. Я люблю это число. Оно простое. Оно надежное. Оно как я. Простое и надежное. Я — Арнольд Поварешкин. Мне тридцать четыре года. Я живу в психоневрологическом интернате "Тихий сад" уже четыре года, три месяца и девять дней. У меня параноидная шизофрения. Я слышу голоса. Они кричат по ночам. Они говорят, что я ничтожество. Они говорят, что я никогда ничего не добьюсь. Они говорят, что мама была права, когда ушла.

Но я докажу им, что они ошибаются. Я докажу это с помощью этой тетради. Я докажу это с помощью конкурсов. Я докажу это с помощью побед. Я стану королем. Королем "Тихого сада". Королем своей жизни.

Я закрыл глаза. Я слышал голоса. Они шептали: "Ты не сможешь. Ты слаб. Ты никто. Ты ничто". Я не слушал их. Я слушал тишину. Тишину, которая была внутри меня. Она говорила: "Ты сможешь. Ты сильный. Ты — Арнольд. Ты — король".

Я открыл глаза. Я улыбнулся. Я знал, что это будет трудно. Я знал, что будут ошибки. Я знал, что будут поражения. Но я знал, что я смогу. Потому что у меня есть план. У меня есть стратегия. У меня есть тетрадь.

Тетрадь в клеенчатой обложке цвета засохшей крови.

Моя тетрадь.

Моя победа.

Моя жизнь.

Два месяца спустя. Издание книги.

Я сидел в книжном магазине. Вокруг меня было много людей. Они держали в руках книги. Мои книги. Книги с моей историей. Книги с моей жизнью. Книги с моей любовью. Я смотрел на них и не верил своим глазам. Я — Арнольд Поварешкин. Пациент. Садовник. Муж. Теперь еще и герой книги. Я никогда не думал, что смогу дойти до этого. Я никогда не думал, что моя история будет услышана. Но она была услышана. Она была прочитана. Она была понята.

Лариса сидела рядом. Она держала мою руку. Она улыбалась. Она была счастлива. Мы были счастливы. Мы смотрели на людей, которые читали нашу книгу. Нашу историю. Нашу любовь.

— Арнольд, — сказала Лариса. — Ты гордишься собой?

— Да, — сказал я. — Я горжусь. Но я горжусь не только собой. Я горжусь нами. Я горжусь тем, что мы сделали. Я горжусь тем, что мы показали миру, что любовь побеждает все.

— Что ты чувствуешь сейчас?

— Я чувствую покой. Тишину. Тепло. Я чувствую, что я живу. Я чувствую, что я счастлив. Я чувствую, что я — Арнольд.

— Это самое главное.

— Да, — сказал я. — Это самое главное.

Я смотрел на людей. Они читали мою историю. Они переживали мои победы. Они переживали мои поражения. Они переживали мою любовь. Они переживали мою жизнь.

— Лариса, — сказал я. — Ты думаешь, они поймут?

— Они поймут, — сказала она. — Потому что это настоящая история. Это не выдумка. Это жизнь. А жизнь всегда понятна.

Я улыбнулся. Я взял книгу в руки. Я открыл первую страницу. Там было написано: "Посвящается Арнольду Поварешкину — человеку, который научил меня тому, что даже в темноте можно выращивать цветы". Я прочитал это. Я перечитал это. Я чувствовал, как слезы снова текут по моим щекам.

— Лариса, — сказал я. — Это прекрасно.

— Это ты, — сказала она. — Ты прекрасен.

Мы сидели в книжном магазине. Мы держались за руки. Мы смотрели на людей. Мы смотрели на книги. Мы смотрели на жизнь. Мы были счастливы.

И я знал, что это не конец. Это продолжение. Продолжение моей жизни. Продолжение моей любви. Продолжение моей истории. Истории, которая началась с тетради в клеенчатой обложке цвета засохшей крови.

Я закрыл глаза. Я слышал голоса. Но они были тихими. Они были добрыми. Они говорили: "Ты — молодец. Ты — справился. Ты — Арнольд. Ты — любим. Ты — счастлив. Ты — живой".

Я открыл глаза. Я улыбнулся. Я смотрел на мир. На красивый мир. На мир, в котором я был Арнольдом. Человеком. Садовником. Мужем. Героем. Я был всем, чем хотел быть.

— Лариса, — сказал я. — Я готов.

— Готов к чему? — спросила она.

— К жизни, — сказал я. — К нашей жизни. К нашему будущему. К нашей любви.

Мы встали. Мы вышли из книжного магазина. Мы вышли в мир. Мы вышли в жизнь. Мы вышли в будущее.

Мы были вместе. Мы были живы. Мы были счастливы. Мы были свободны. Мы были любовью. Мы были жизнью.

И все началось с тетради в клеенчатой обложке цвета засохшей крови.

Глава 1. Дебют Петрова в палате № 4

Я выиграл чемпионат по чистке картофеля за тридцать семь секунд до того, как старшая медсестра Зинаида Павловна сказала: «Начали».

Это не магия времени. Это математика. Если ты знаешь, что нож у тебя в руке будет лежать под углом в сорок два градуса, если ты заранее намочил клубень в кружке с водой ровно на семь секунд (не больше, иначе кожа размокает и скользит под пальцами, превращаясь в мокрую тряпку), а главное — если ты знаешь, что Зинаида Павловна всегда затягивает команду «Начали» на полтакта, потому что у нее проблемы с дикцией после инсульта 2008 года, — то

ты стартуешь на рефлексе, когда ее губы складываются в букву «Н», а не когда звук достигает твоих ушей.

В моем ухе вживлен чип. Нет, не в буквальном смысле. У меня нет скальпеля, а у санитаров Семена и Гриши есть приказ обыскивать меня после завтрака, чтобы я не тащил в палату вилки, ложки, проволоку, стеклянные осколки и прочие вещи, которые можно превратить в инструмент для автономного вскрытия черепа. Но чип есть. Я встроил его из графика Ларисы. Я скопировал ее почерк на свою сетчатку. Я запомнил каждую букву, каждую закорючку, каждое исправление — там, где она ошиблась в дате и зачеркнула число. Там было двадцать девятое февраля. Она перепутала месяц. Я запомнил это и понял: Лариса не идеальна. Лариса — человек. Значит, она допускает ошибки. Значит, ее можно просчитать. Значит, ее можно победить.

Тетрадь в клеенчатой обложке цвета засохшей крови лежит под моим матрасом. Там 198 страниц. Я знаю каждую. Я знаю, что двадцать третьего октября в 14:30 — шашки, тема «Дебют Петрова». Я знаю, что двадцать четвертого октября в 10:00 — конкурс рисунка «Мой внутренний мир». Я знаю, что двадцать пятого в 15:00 — эстафета с мешочком на голове. Я знаю, что двадцать шестого в 11:00 — битва хоров между первым и вторым отделением. Я знаю, что двадцать седьмого — выходной, но в выходные у Ларисы свидание с каким-то мужчиной в сером пальто, и она не будет заполнять тетрадь, потому что она будет красить губы перед зеркалом в сестринской и улыбаться своему отражению. Это не в тетради. Это я сам выяснил. Я наблюдал. Наблюдение — это спорт. Спорт — это наблюдение. Все остальное — просто исполнение.

Я готовился к эстафете три ночи. Ходил по периметру палаты, от двери до окна, ровно семнадцать шагов, с мешочком гречки на макушке. Если гречка падала, я начинал сначала. В первую ночь я уронил ее двести четыре раза. Во вторую — пятьдесят. В третью — ноль. Я стоял в тишине, где за стеной храпел Петр Семенович, а в коридоре дребезжал телевизор — там крутили какой-то старый фильм про войну, и голоса дикторов звучали как далекий артиллерийский обстрел, — и я чувствовал, как мои позвонки выстраиваются в одну линию с гравитацией. Позвонок С1 — атлант — держит череп. Позвонок С2 — аксис — отвечает за поворот головы. Я повернул голову влево — мешок не упал. Я повернул голову вправо — мешок не упал. Я моргнул — мешок не упал. Я стал идеальной вертикалью. Идеальный мешок не падает. Идеальный человек не падает.

Если бы я не был Арнольдом Поварешкиным, пациентом психоневрологического интерната «Тихий сад» с диагнозом «параноидная шизофрения, стадия субкомпенсации», я был бы олимпийским чемпионом по ходьбе с предметом на голове. Если бы я украл график работы биржи, я был бы миллиардером. Но Лариса работает в культпросвете, поэтому я буду королем этой деревни.

Деревня. Здесь все называют это «деревней». «Тихий сад» — это не больница. Это «учреждение закрытого типа с элементами реабилитации». У нас есть забор. У нас есть проходная. У нас есть распорядок дня, где подъем в семь, завтрак в семь тридцать, обед в тринадцать, ужин в девятнадцать и отбой в двадцать два. Между этими точками — пустота. Пустота, которую Лариса заполняет соревнованиями. Она не знает, что она спасает меня. Она думает, что она просто работник культпросвета с тетрадкой. Но она — дирижер моего оркестра. Ее тетрадка — это партитура. А я — единственный музыкант, который выучил все ноты наизусть.

— Арнольд Поварешкин, — объявила Лариса сегодня утром, и ее голос дрогнул на моей фамилии так, будто она вынимает занозу длинными тонкими пальцами с обгрызенными ногтями. Я заметил это еще месяц назад. Она грызет ногти, когда нервничает. Она нервничает, когда я выигрываю. Я выигрываю, потому что она нервничает. Это замкнутый круг, и я держу его на цепочке. — Первое место. Очистка. Скорость и качество.

Она протянула мне синюю грамоту с золотым тиснением. На грамоте было написано «Самый ловкий». Я не смотрел на грамоту. Я смотрел на ее пальцы. Средний палец левой руки — в чернилах. Фиолетовых. Значит, она переписывала расписание. Значит, она что-то поменяла. Тетрадь под матрасом стала на один килограмм тяжелее. Чернила пахнут так же, как пахнут мысли — кисловато и тревожно. Я вдохнул этот запах, когда она наклонилась надо мной. Это был запах перемен. Я люблю перемены. Потому что я всегда готов к ним.

— Благодарю, Лариса Сергеевна, — сказал я, и мой голос звучал как голос человека, который не слышал внутри себя криков уже три дня, два часа и четырнадцать минут. Я считал. Счет ведется с того момента, как я закрыл уши подушкой и прошептал: «График. Только график». Голоса замолчали. Они всегда замолкают, когда я произношу эту мантру. График — это мой экзоскелет. Моя броня. Моя святая троица — дата, время, дисциплина.

Она улыбнулась. Она всегда улыбается, когда я называю ее по имени-отчеству. Это моя психологическая разведка. Улыбка означает, что она чувствует себя в безопасности. В безопасности рядом со мной. Глупая женщина. Никто не должен чувствовать себя в безопасности рядом с человеком, который знает, что она переписывает расписание. Никто не должен чувствовать себя в безопасности рядом с человеком, который знает, что она пьет чай с двумя ложками сахара, но помешивает его левой рукой, потому что правая занята телефоном. Я знаю, что она смотрит сериалы до полуночи и приходит на работу с красными глазами. Я знаю, что она боится мышей, но никому не говорит. Я знаю, что она мечтает уволиться, но не увольняется, потому что у нее ипотека. Я знаю все. Я — архивариус ее маленькой жизни. И она даже не подозревает, что ее тетрадь — это мой талмуд, моя библия, моя инструкция по выживанию в мире, где каждое утро начинается с крика за стеной.

Петр Семенович, мой сосед, получил «Самого старательного». Он вскрыл конверт с грамотой ножом для чистки и порезал палец. Кровь капнула на его картофель — идеально очищенный, кстати, без единой глазницы. Я мог бы очистить так же, но я выбрал скорость. Скорость — это красота. Красота — это скорость. Зинаида Павловна закричала. Семен побежал за ватой. Гриша открыл окно, чтобы проветрить запах железа. В суматохе — идеальной, отточенной суматохе, которую я сам спровоцировал, шепнув Петру Семеновичу за пять минут до вручения грамот: «Они дадут тебе конверт. Вскрой его ножом. Ты победишь страх», — я подошел к столу Ларисы и увидел, что она переписала конкурсы на следующей неделе.

Она передвинула шашки на понедельник.

Черт.

Я выдохнул. Я не имею права злиться. Гнев — это ошибка. Гнев — это когда голоса возвращаются. Я стиснул зубы, прикусил язык, почувствовал металлический привкус крови и сосредоточился на белом листе бумаги, который лежал передо мной на столе. Там было ее новое расписание. Она переписала все. Шашки — понедельник, 14:30. Рисунок — вторник, 10:00. Боулинг мягкими мячами — среда, 16:00. Чистка — перенесена на следующую пятницу. Это меня не касалось. Я уже победил в этом. Но шашки... шашки были моей слабостью.

Я выучил «дебют Петрова» во сне. Я вставал в три утра, садился на корточки у окна, где сквозняк из щели шептал мне: «Петров — это жертва пешки ради центра... Петров — это страх перед агрессией... Петров — это мужчина, который боялся женщин, поэтому и придумал этот дебют, чтобы прятаться за пешками», — и я двигал по расчерченной тетрадке пуговицы. Десять белых, десять черных. Пуговицы с халата Гриши, который он оставил в раздевалке. Я не крал. Я брал на время. У меня мания величия, а не kleptomания. Это важное медицинское различие, которое знает только тот, кто ночует здесь дольше четырех лет. Четыре года, три месяца, девять дней. Я считаю. Каждый день я прибавляю один. 4 года, 3 месяца, 10 дней. 4 года, 3 месяца, 11 дней. Когда я умру, моя эпитафия будет высечена в секундах.

Шашки в понедельник. Значит, у меня есть три дня. Три дня — это семьдесят два часа. Семьдесят два часа — это четыре тысячи триста двадцать минут. Двести пятьдесят девять тысяч секунд. Я должен использовать каждую.

Я подошел к Петру Семеновичу, пока Гриша заматывал его палец бинтом. Бинт был старый, серый, с желтыми пятнами. Гриша экономит. Я знаю. Он ворует бинты для своей жены, у которой варикоз. Я видел, как он прячет рулон в карман. Я не говорю. Информация — это валюта. У меня есть валюта. У меня есть все.

— Петр Семенович, — сказал я так тихо, чтобы слышал только он, и наклонился к его уху, где сера блестела как янтарь, — у вас сегодня утром была паническая атака?

Он дернулся. Бинт намок. Кровь пропитала марлю и выступила красным кружком, как мишень. Я посмотрел на этот кружок. Кружок — это цель. Я всегда вижу цель.

— Откуда ты, Арнольд?.. Откуда, а? — его голос дрожал как студень. Он боится меня. Он всегда боялся меня с того дня, как я сказал ему, что его умершая жена приходит к нему по ночам не потому что она скучает, а потому что она хочет забрать его с собой. Я солгал. Я знал, что это неправда. Но я хотел проверить его реакцию. Реакция была идеальной — он закричал и не спал три дня. После этого он перестал быть моим врагом. Он стал моим материалом.

— Вы дышали животом, — сказал я. — Семь вдохов в минуту. Это брадикардия. Так дышат либо с инфарктом, либо с паникой. Ваше лицо было бледным, как простыня, в которой мы умертвляем мух. Ваши руки лежали на коленях ладонями вверх — это поза сдачи. Вы сдались панике еще до того, как она началась. Я считал ваши движения. Вы пошевелили пальцами ног двадцать три раза за завтраком. Это компенсаторное поведение. Вы искали опору. Мышцы вашего лица не двигались полтора часа — я считал. Значит, вы боитесь, что завтра вечером будет «Звездный час» с викториной, а вы забыли, сколько ног у паука. Я напомню вам: восемь. Запомните. Восемь. Шесть для ходьбы, две для хватания. Но вы боитесь не паука. Вы боитесь, что окажетесь глупее всех. Я знаю это чувство. Я живу с ним каждую секунду. Кстати, на понедельник перенесли шашки. Я хочу знать, как вы играете в эндшпиль. Вы агрессивны, когда тревожны?

Он смотрел на меня так, будто я снял кожу с его лица и показываю ему череп. Глаза его стали влажными. Он ничего не ответил. Он заплакал. Сначала тихо, потом громче, потом он заскулил как побитый щенок. Но я уже знал ответ. Когда он тревожен — он бьет пешками в центр без разведки. Он любит дамки. Он коллекционирует их как почтовые марки. Это слабость. Я сыграю от защиты. Я выжму его как губку, как тот бинт, который Гриша недокрутил. Я выжму его досуха.

Я отошел от него и сел на свою койку. Пружины скрипнули. Я люблю этот звук. Это звук моего трона. Каждая пружина — это подданный, который знает свое место. Под матрасом лежала тетрадь. Я вытащил ее, но не открыл. Я просто держал ее в руках и чувствовал, как тепло моего тела перетекает в клеенку. Мы обмениваемся энергией. Я грею ее, она греет меня. Это симбиоз. Я — хозяин, она — мой инструмент.

Вечером я сидел в туалете с книгой 1947 года. Я нашел ее в библиотеке между Кантом — там было написано про категорический императив, который я так и не понял, но запомнил название, потому что оно звучит как название таблеток, — и каталогом семян. Там были картинки подсолнухов. Я смотрел на подсолнухи и думал, что они всегда повернуты к солнцу. Это не выбор. Это инстинкт. Я тоже повернут к графику. Это мой инстинкт. В книге был раздел «Комбинационная игра». Шестьдесят четыре страницы. Я читал их трижды. Я читал про жертву ферзя. Я читал про двойной удар. Я читал про связку, когда две фигуры стоят на одной линии и одна не может сдвинуться, потому что за ней — король. Я — король. Петр Семенович — связка. Он не может сдвинуться, потому что за ним — его страх. Это мое оружие. Я беру его страх и ставлю на доску.

Я читал под светом лампочки, которая мигала с частотой ударов моего сердца. Я синхронизировал дыхание с ее мерцанием. Вдох — свет. Выдох — тьма. Вдох — свет. Выдох — тьма. Это гипноз. Я гипнотизирую себя на победу. Я не знаю, работает ли это, но когда я дышал в такт лампочке, голоса внутри меня стихали. Они превращались в шум, в белый шум, в тот самый звук, который издает телевизор без антенны. Я представлял, что этот шум — это аплодисменты. Аплодисменты в мою честь. Они всегда аплодируют победителю. Я еще не победил, но аплодисменты уже были внутри меня. Они ждали своего часа. Они терпеливые. Как я.

Завтра я проиграю. Это входит в план. В первом туре я должен казаться слабым. Я должен зевнуть, когда Петр Семенович пойдет в дамки. Я должен потереть глаз и сказать: «Ой, я не заметил». Я должен сгорбиться над доской, ссутулиться, сделать свое лицо маленьким и незначительным, как лицо человека, который забыл, как его зовут. Он поверит. Он — псих. Они все психологически разоружены, потому что они — пациенты. Я — не пациент. Я — спортсмен в закрытом учреждении. Между мной и ними пропасть. Я не падаю в нее. Я строю через нее мост.

Я спустил воду, чтобы заглушить звук собственного шепота. Я всегда шепчу, когда читаю. Это плохая привычка. Если меня услышат — они поймут. Они решат, что я готовлю заговор. А я не готовлю заговор. Я готовлю свое тело к победе. Тело — это инструмент. Мозг — это процессор. Вместе они — машина для выигрывания. Я говорю себе: «Арнольд, ты выиграешь шашки. Арнольд, ты выиграешь рисунок. Арнольд, ты выиграешь хоровую битву, потому что ты уже знаешь, что в хоре главное не голос, а громкость — и ты голосил ночью в подушку, пока соседи не начали стучать по батареям». Я тренировал голос. Я пел «Катюшу» по ночам, уткнувшись лицом в подушку, чтобы не разбудить Петра Семеновича. Я пел, пока мои легкие не начали гореть. Я довел громкость до ста десяти децибел. Я измерил это по внутреннему ощущению. Я не знаю точно, сколько это, но мои уши звенели утром. Звон — это музыка победы.

Но в туалете, под мерцающей лампой, у меня начался приступ. Не паники. Я не знаю, как это называется. Просто мир разделился на две половины. В одной я — Арнольд Поварешкин, который сейчас будет королем «Тихого сада». Я буду носить корону из картона, которую Лариса вырезала для новогоднего утренника. Я буду сидеть на троне — это мой стул с отломанной ножкой, подпиленный журналом «Здоровье». В другой половине я — Арнольд Поварешкин, который три недели не слышал голосов, потому что заменил их графиком Ларисы. График был громче. График был справедливее. График не орал на меня по ночам про маму.

Мама. Она умерла. Я не помню, когда. Мне сказали, что она умерла, но я не верю. Я думаю, она просто ушла, потому что я не выиграл ни одного конкурса в школе. Я не выиграл ни одной олимпиады. Я не был лучшим. Я был средним. Средние люди не нужны матерям. Матери любят чемпионов. Я стану чемпионом. Тогда она вернется. Это логика. Я знаю, что это не логика. Но это логика моего мира. В моем мире две плюс два равно победа. Победа плюс победа равно мама.

Я закрыл книгу. На обложке кто-то написал шариковой ручкой: «Игра — это лекарство». Я рассмеялся. Я смеялся в туалете, пока Гриша не постучал в дверь и не сказал: «Арнольд, ты там не ссы в раковину, у нас сантехника хрупкая». Гриша всегда говорит это. У него нет других фраз. Он как сломанный проигрыватель. Я ответил ему не сразу. Сначала я перестал смеяться. Потом я вытер слезы. Я не знал, что я плакал. Оказывается, я плакал. Смех и слезы — это одно и то же. Это просто давление внутри.

— Я не сру, Гриша, — ответил я. — Я планирую.

— Планируй тихо, — сказал Гриша и ушел. Его шаги звучали как метроном. Метроном — это ритм. Ритм — это дисциплина. Дисциплина — это победа. Я считал его шаги: двадцать пять до поворота. Двадцать пять шагов. Он идет в сестринскую. Значит, у меня есть пять

минут. Пять минут — это двести тридцать восемь ударов сердца. Я могу сделать пятьдесят вдохов. Я могу прочитать три страницы. Я могу выучить еще один дебют.

За стеной Петр Семенович плакал в подушку. Он плакал, потому что боялся паука с восемью ногами. Я слышал его всхлипы и считал их. Восемнадцать всхлипов за минуту. Ровно. Значит, он будет бить пешками в атаку без всякого дебюта. Значит, я выиграю в понедельник. Я выиграю не потому что я умнее. Я выиграю потому что я знаю его страхи лучше чем он сам. Я — зеркало. Я показываю людям их лица. Им это не нравится. Но это помогает мне побеждать.

Я лег на койку. Пружины снова скрипнули, но теперь этот скрип звучал как овация. Я лежал на спине, руки вдоль тела, как в гробу. Я часто лежу так. Это помогает мне думать. Если я уже мертв, значит мне нечего терять. Если мне нечего терять, значит я свободен. Свободен для победы. Под матрасом лежала тетрадь Ларисы. Я прижался спиной к пружинам и чувствовал, как твердый корешок давит на позвонки. Это приятно. Это как держать руку на пульсе мира. Если мир меняется — я чувствую это через позвоночник. Позвоночник — это антенна. Я принимаю сигналы. Я знаю, что завтра в семь утра подъем. В семь тридцать завтрак. В восемь — утренний обход. В девять — свободное время. В десять — тихий час. В одиннадцать — прогулка. В двенадцать — обед. В тринадцать — сончас. В четырнадцать — подготовка. В четырнадцать тридцать — шашки.

Я проговорил это вслух. Тихо. Чтобы никто не услышал. Мой голос звучал как голос диктора метро. Он был ровным, сухим, безэмоциональным. Это голос человека, который знает свое будущее. Это редкий дар. Большинство людей живут в неведении. Я живу в расписании. Расписание — это моя религия. Моя церковь — это столовая. Мой алтарь — это тетрадь Ларисы. Моя молитва — это победа.

Завтра я буду казаться идиотом. Послезавтра — стану призером. Через неделю — легендой. Меня будут показывать пальцем в коридоре. «Это он, — будут шептать, — тот самый Арнольд, который выиграл все». Я буду скромно улыбаться и говорить: «Мне просто повезло». Но внутри я буду кричать: «Это не везение! Это расчет! Это я! Я сделал это!»

А потом я попрошу Ларису налить мне чай и назвать меня по имени. Просто Арнольд. Без фамилии. Я хочу услышать, как ее губы произносят «Арнольд» без горького привкуса «Поварешкин». Фамилия — это тяжелый груз. Я хочу быть просто человеком. Но сначала я должен стать королем. Король не имеет фамилии. Король имеет корону.

Но это в третьем акте. Сейчас — только первый ход.

Петров, мать твою, дебют. Пешка на поле Е4. Жертва.

Я жертвую собой, чтобы выиграть эту больницу.

Я жертвую своей репутацией, чтобы купить время.

Я жертвую сном, чтобы купить знания.

Я жертвую голосами, чтобы купить тишину.

Тишина — это главный приз. Не грамота. Не синяя бумажка с золотом. Не «Самый ловкий». Тишина. Когда внутри тебя никто не кричит, когда мама не зовет из темноты, когда голоса не спорят о том, кто прав, — вот это победа. Это суперкубок. Это чемпионат мира. Я играю за него. И я выиграю.

Засыпая, я уже слышал, как завтра в 14:30 Петр Семенович скажет: «Арнольд, ты зевашь, ты не выспался?» — и я кивну, и утру глаз кулаком, и с моей руки на доску упадет три капельки пота. Я намочил ладонь в кружке за пять минут до игры. Ровно три капли. Для достоверности. Ни одна деталь не должна быть случайной. Случайности — это поражение. Я не проигрываю. Я готовлюсь.

Я — гений этого дурдома. Но гению здесь нет места. Гению здесь — только Кубок социальной адаптации. Я возьму его своими руками, этими же руками, которые чистили картошку, натирали яблоки для рисования, сжимали пуговицы во время шашечных партий. Я возьму его

и прижму к груди. Он будет холодным. Все кубки холодные. Но я согрею его своим дыханием. Я согрею его своей победой.

Я выиграю его, даже если мне придется сойти с ума.

Хотя... стоп.

Я же уже сошел.

Вот в этом и есть главная комбинация. Я сошел с ума настолько, что мое безумие стало системой. Моя система стала моим оружием. Мое оружие — это я.

А я — это Арнольд Поварешкин.

И это пока что не победа.

Но понедельник уже близко.

Глава 2. Эндшпиль для начинающих

Понедельник наступил ровно в 7:00, как и было обещано в расписании, которое я выучил наизусть еще в прошлую среду, когда Лариса случайно оставила тетрадь на подоконнике в столовой, а я сделал вид, что заправляю кровать, хотя на самом деле я стоял у окна и сканировал страницы глазами со скоростью сорок слов в минуту. Я не торопился. Торопливость — это ошибка. Ошибка — это проигрыш. Проигрыш — это голоса. Голоса — это мама, которая кричит из темноты, что я ничтожество. Я не хочу слышать маму. Я хочу слышать тишину. Тишина живет в победах.

Я проснулся за три минуты до звонка. Я всегда просыпаюсь за три минуты до звонка. Это не талант. Это тренировка. Я ставлю внутренний будильник перед сном, я визуализирую циферблат, я представляю, как стрелка ползет к цифре семь, и мой мозг, этот перегретый процессор в черепной коробке, срабатывает как механизм. Три минуты — это время, чтобы полежать неподвижно, послушать дыхание Петра Семеновича, посчитать его храп (семнадцать вдохов в минуту, на два меньше, чем вчера — значит, он успокоился, значит, он набрался сил, значит, он будет опасен в эндшпиле), проверить, на месте ли тетрадь под матрасом. Тетрадь была на месте. Я чувствовал ее корешок позвоночником. Мы оба были готовы.

Звонок прозвенел, и я открыл глаза. Серая стена, серая тумбочка, серый халат на спинке стула. Мир был черно-белым, как шахматная доска. Только тетрадь под матрасом была цвета засохшей крови. Она была цветным пятном в моей монохромной вселенной. Я любил ее. Я ненавидел ее. Я не мог без нее дышать. Как астматик без ингалятора. Как игрок без доски.

— Арнольд, — простонал Петр Семенович с соседней койки, — ты опять не спал?

— Спал, — сказал я, не поворачивая головы. — Я всегда сплю. Сон — это перезагрузка. Я перезагружаюсь каждую ночь, чтобы утром быть обновленной версией. Версия 2.0. Версия 3.0. Сегодня я версия 3.7. Завтра будет 4.0. Я обновляюсь быстрее, чем Windows. Но ты не поймешь.

— Я все понимаю, — обиженно сказал Петр Семенович, натягивая штаны. Он всегда обижается, когда я говорю, что он не понимает. Обида — это его защитная реакция. Я знаю. Я записал это в своем внутреннем досье. Досье на Петра Семеновича занимает шестнадцать страниц в моей памяти. Там есть все: его ботинки скрипят на левую ногу, он не любит кашу с комочками, он плачет во сне, когда ему снится жена, он боится темноты, но не признается, потому что мужчина должен быть смелым. Мужчины не должны бояться. Но Петр Семенович боится. Он боится меня.

Я встал. Я сложил одеяло под углом девяносто градусов. Каждый угол должен быть прямым. Если угол не прямой — мир рушится. Мир держится на прямых углах. На этом держится моя вселенная. Я заправил кровать так, чтобы медсестра Зинаида Павловна не придралась. Она любит придираться. У нее нет других удовольствий. Я даю ей это удовольствие. Я заправляю кровать идеально, и она не находит повода для крика. Тишина. Тишина — это победа.

В столовой пахло овсянкой и хлоркой. Хлорка перебивала овсянку, но я все равно различал оба запаха. Я различаю запахи как ноты. Овсянка — это до, хлорка — это соль. Вместе

они дают аккорд. Аккорд утра. Аккорд начала дня. Аккорд, который говорит мне: «Сегодня ты выиграешь».

Я сел за стол напротив Петра Семеновича. Мы сидели напротив друг друга уже четыре года, три месяца и одиннадцать дней. Завтра будет двенадцать. Я знаю его лицо лучше, чем свое собственное. Я знаю, как двигаются его брови, когда он лжет. Я знаю, как он сжимает ложку, когда боится. Сегодня он сжимал ложку крепче обычного. Его костяшки побелели. Значит, он готовился к шашкам. Значит, он репетировал. Значит, он думал, что у него есть шанс. У него нет шанса. Я отнял его шанс еще вчера, когда сказал ему, что пауки снятся к смерти.

— Петр Семенович, — сказал я, откусывая хлеб. Хлеб был черствым. Я люблю черствый хлеб. Он хрустит. Хруст — это звук победы над временем. — Вы готовились к шашкам?

Он поперхнулся. Чай потек по подбородку. Я смотрел, как капли падают на его халат. Капли оставляли темные круги. Я считал их. Семь капель. Счастливое число. Не для него.

— Я... я не знаю, о чем ты, Арнольд, — сказал он, вытирая рот рукавом. — Какие шашки? Сегодня же понедельник.

— Именно, — сказал я. — В 14:30. Шашки. Дебют Петрова. Вы знаете, что это такое?

Он замер. Его лицо стало белым. Белый — это цвет страха. Я знаю все цвета страха. Белый, серый, бледно-розовый, когда человек вот-вот упадет в обморок. Он был белым.

— Я не знаю, что такое дебют Петрова, — прошептал он.

— Конечно, не знаете, — сказал я. — Поэтому вы проиграете. Но это не страшно. Прогриш — это тоже опыт. Опыт — это информация. Информация — это власть. Я дам вам власть. Я скажу вам, что такое дебют Петрова. Это жертва пешки ради центра. Это когда вы отдаете свою слабую пешку, чтобы захватить середину доски. Вы жертвуете малым ради большого. Как я жертвую своим сном ради победы. Вы умеете жертвовать?

Он молчал. Он не понимал. Он смотрел в свою тарелку, и я видел его отражение в ложке. Отражение было перевернутым. Это правильно. Мир перевернут. В этом мире псих — чемпион. В этом мире я — король. Король должен быть перевернутым, чтобы видеть правду.

— Я не буду жертвовать, — сказал он наконец. — Я буду играть в свою игру.

— Ваша игра — это поражение, — сказал я. — Но я не хочу вас пугать. Я просто готовлю вас. Я — ваш тренер. Вы этого не знаете, но это так. Я тренирую вас на победу. Потому что когда вы выигрываете — я выигрываю. Я всегда выигрываю, когда выигрывает мой соперник. Парадокс. Но вы не поймете. Вы не знаете, что такое парадокс.

— Отстань от меня, Арнольд, — сказал он и отвернулся.

Я отстал. Я всегда отстаю, когда меня просят. Это часть стратегии. Я должен казаться безобидным. Безобидный человек не вызывает подозрений. Не вызывающий подозрений человек может красть тетради. Может выигрывать конкурсы. Может становиться королем. Я отстал, но я уже заложил бомбу в его голову. Слово «дебют Петрова» будет крутиться у него в мозгу до 14:30. Он будет пытаться вспомнить, что это такое. Он будет нервничать. Он будет совершать ошибки. Ошибки — это мои союзники.

После завтрака был тихий час. Тихий час — это время для подготовки. Я сидел на койке и медитировал. Медитация — это когда ты закрываешь глаза и видишь шахматную доску. Я видел доску. Белые клетки, черные клетки. Сорок две клетки. Я знаю это число. Сорок две — это ответ на главный вопрос жизни. Я нашел этот ответ в книге Дугласа Адамса, которую читал до того, как попал сюда. Тогда я был другим. Тогда я не считал шаги. Я не запоминал расписание. Я был свободен. Свобода — это роскошь. У меня нет роскоши. У меня есть тактика.

Я расставил фигуры у себя в голове. Белые — я. Черные — Петр Семенович. Я — белый, потому что белый ходит первым. Это мое преимущество. Я всегда хожу первым. Я рожден первым. Я умер первым. Я возродился первым. Белый — это цвет чистоты. Чистоты расчета. Я расставил пешки по местам. Пешка на Е4. Дебют Петрова. Жертва. Я представлял, как Петр Семенович берет мою пешку. Он делает это с радостью. Он думает, что выигрывает. Глупец.

Он даже не знает, что пешка на Е4 — это приманка. Это крючок. Это мышеловка. Он заглоти́т ее, и я захлопну капкан.

Я открыл глаза. Петр Семенович лежал на соседней койке и смотрел в потолок. Я не смотрел на него, но я знал, что он смотрит в потолок. Я слышал его дыхание. Оно было неровным. Неровное дыхание — это тревога. Тревога — это слабость. Слабость — это победа.

— Петр Семенович, — сказал я, не поворачивая головы, — вы боитесь проиграть?

Он дернулся. Койка скрипнула.

— Я не боюсь, — сказал он. — Что там бояться? Это просто шашки.

— Просто шашки, — повторил я. — Именно. Просто шашки. Но вы все равно боитесь. Потому что шашки — это не игра. Это проверка интеллекта. А вы боитесь, что ваш интеллект не выдержит проверки. Вы боитесь, что вы — глупее меня.

— Я не глупее тебя, — сказал он, и в его голосе была ярость. Ярость — это хорошо. Ярость ослепляет. Ослепленный игрок не видит комбинаций. Он видит только одну цель — уничтожить врага. Но он не знает, где враг. Враг — внутри него. Я — снаружи. Я — это просто отражение его страха.

— Конечно, не глупее, — сказал я. — Вы умный человек. Вы читали Канта. Вы знаете, что такое категорический императив. Вы мне рассказывали. Это было в прошлом году. Вы сказали, что нужно поступать так, чтобы твой поступок стал всеобщим законом. Я запомнил. Я запоминаю все. Я запомнил, что вы читали Канта, потому что вы хотели казаться умным. Вы хотели произвести впечатление на Ларису. Она тогда пришла в палату с проверкой. Вы читали ей отрывок. Вы цитировали, запинаясь. Вы не знали, что я слушаю. Я слушаю всегда. Я слушаю даже когда сплю. Сон — это просто другая форма внимания.

Он сел на койке. Его глаза были красными. Красные глаза — это бессонница. Бессонница — это подготовка. Он тоже готовился. Он сидел ночами и думал, как меня победить. Он не знал, что я знаю. Я знаю все его ночные бдения. Я слышал, как он бормотал комбинации. Он бормотал: «Пешка на А3. Пешка на В4. Дамка на Н8». Он был плохим стратегом. Он думал линейно. Я думаю матрично. Я вижу доску в трех измерениях. Я вижу не просто клетки — я вижу время. Я вижу, что будет через десять ходов. Через двадцать. Через весь эндшпиль. Я уже видел финал. Там была моя победа. Там был Петр Семенович, который плакал и говорил: «Как ты это сделал?» — а я молчал, потому что победители не говорят. Они просто принимают награду.

— Я буду играть с тобой, — сказал он. — Но я не буду твоим клоуном.

— Клоуны мне не нужны, — сказал я. — Мне нужны соперники. Вы — хороший соперник. Потому что вы боитесь. Страх делает игрока предсказуемым. Предсказуемость — это то, что я люблю больше всего. Больше всего на свете я люблю предсказуемость. И голоса. Голоса тоже любят предсказуемость. Когда я знаю, что будет через пять минут, голоса замолкают. Они говорят: «Арнольд, ты контролируешь ситуацию. Ты — хозяин». И они замолкают. Я люблю голоса, когда они молчат.

В 14:00 мы вышли в актов́ый зал. Это был актов́ый зал с доской на ножках и стульями, которые скрипели. Лариса была там. Она стояла у окна и перебирала бумаги. Ее волосы были убраны в хвост. Я люблю, когда она убирает волосы в хвост. Это значит, что она сосредоточена. Сосредоточенная Лариса — это опасная Лариса. Опасная Лариса — это вызов. Я люблю вызовы. Они делают победу слаще.

— Арнольд, Петр Семенович, — сказала она, поднимая глаза. — Вы готовы?

— Всегда готов, — сказал я. Это была цитата. Она не поняла цитату. Она не знала, что я умею цитировать. Я умею цитировать Канта, Паланика и инструкцию по технике безопасности. Я умею цитировать что угодно. Я — библиотека. Я — архив. Я — памятник самому себе.

— Я готов, — сказал Петр Семенович, но его голос дрожал. Дрожь — это предвестник. Предвестник поражения. Я улыбнулся. Улыбка — это маска. Я надеваю маску перед каждым конкурсом. Под маской — сталь. Сталь — это я.

Мы сели за доску. Я белый. Петр Семенович черный. Я поднял пешку. Е4. Я поставил ее на клетку. Она легла ровно. Я люблю, когда фигуры лежат ровно. Это создает порядок. Порядок — это когда мир подчиняется мне.

Петр Семенович ответил. Он не пошел дебютом Петрова. Он пошел классикой — С5. Это было неожиданно. Он изменил тактику. Он не спал ночью не зря. Он готовился. Он решил сыграть не так, как я ожидал. Я удивился. Удивление — это ошибка. Я не должен удивляться. Я должен знать все наперед. Но я не знал этого. Он переиграл меня на первом ходу.

Я посмотрел на него. Его глаза горели. В них был огонь. Огонь ненависти. Ненависть — это мощный двигатель. Иногда мощнее, чем расчет. Я понял, что ошибся. Я недооценил его. Он не просто боялся. Он боролся. Борьба — это когда страх превращается в силу. Я превратил его страх в свою силу, а он превратил его в свою.

— Интересно, — сказал я вслух. — Вы играете по книге. Но книгу написали люди. Люди ошибаются.

— А ты не ошибаешься? — спросил он, и его голос был твердым как камень.

— Я не ошибаюсь, — сказал я. — Я — машина. Машины не ошибаются. Они просто выполняют программу.

Но я лгал. Я ошибся на первом же ходу. Я думал, что он будет играть дебют Петрова, а он сыграл сицилианскую защиту. Я не готовился к сицилианской защите. Я читал только дебют Петрова. Я был узок. Узость — это слабость. Я должен быть широким. Широким, как доска. Как горизонт. Как мир.

Мы играли в тишине. Только стук фигур — домино, сталкивающееся с доской. Стук, стук, стук. Ритм. Я люблю ритм. Ритм успокаивает. Ритм отгоняет голоса. Голоса сегодня молчали. Они давали мне играть. Но они были рядом. Они ждали моего поражения. Если я проиграю, они вернутся. Они скажут: «Ты ничтожество. Ты не смог даже психом победить». Я не хочу этого слышать. Я буду играть, чтобы выиграть.

Я сделал второй ход. Конец на Ф3. Я защищал пешку. Петр Семенович двинул слона. Хороший ход. Очень хороший. Он учился. Он готовился. Он читал ту же книгу, что и я. Я должен был догадаться. Он ходил в библиотеку после ужина. Я видел. Я все вижу. Я видел, как он крадет книги. Он думал, что я не замечаю. Я замечаю все. Но я не принял это в расчет. Это была ошибка. Вторая ошибка. Я начал проигрывать. Пока что только в уме. Но ум — это доска. Если ты проигрываешь в уме — ты проигрываешь в реальности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.